

Постоянный сибиряк

«Родился 16 июня 1923 года, в г.Минске, но еще младенцем был перевезен в Сибирь, где и прожил всю жизнь. Я постоянный сибиряк. Случайно дедушка с моими будущими родителями оказался в Минске. Предки были сосланы в Сибирь после шляхетского восстания в 1863 году. Во время Советской власти появилась возможность потомкам бывших ссыльных возвратиться. До Минска доехали, а границу к этому времени закрыли. Вернулись обратно. Сибирь стала Родиной. Но в этот короткий период пребывания на белорусской земле я и умудрился родиться. Детство и юность прошли в Абанском районе Красноярского края. Мы жили в 60-ти километрах от Абана. На Бирюсе. Чудесное местно. Единственная неприятность – мошки-комара было много. Там я закончил 4 класса, затем меня отец отвез в Абан, в среднюю школу. Зимой, в феврале 41 года, прошел летную комиссию, нас отправили обратно доучиваться, получать среднее образование, а 5 мая нас собрали в Канске, в летной школе. Там и встретил войну, курсантом летной школы. Мне было 18 лет. Так что по профессии я военной летчик. Но летал только на У-2. Потом его переименовали в ПУ-2 по имени Поликарпова, конструктора самолета. Полк наш расформировали в июле 46-го года, и почти всех отправили в запас.

После войны поступил в Томский политехнический институт, на химико-технологический факультет. После института распределился на Красноярский химкомбинат «Енисей», где и проработал 39 лет без перерыва».

Ночной бомбардировщик

«Войну встретил курсантом летной школы. Мне было 18 лет. Сначала нас учили в Канске, потом перевели в Петропавловск, это западная область Казахстана. Мы прошли обучение и нас, 20 человек, направили в распоряжение 15-й воздушной армии, которая была на Брянском фронте. Там я служил в 638-м воздушном полку ночных бомбардировщиков. Приехал я в полк где-то в ноябре 42-го года. Сначала был «безлошадным». Самолет У-2 получил только в марте 43-го года. Начались тренировки. Нужно было научиться как следует летать именно ночью. И только в ночь на 31 июня 43-го я сделал первый боевой вылет, бомбили станцию «Ворошилово», что южнее Орла. Так я в 638 полку и служил до его расформирования. За время войны сделал 406 боевых вылетов, 6 раз летал к партизанам в том числе, вторым вылетом вывез женщину молоденькую с трехмесячным ребенком. Так что может быть они еще и живы, я думаю.

Имею два ордена Красного знамени, Отечественной войны I степени и II степени, неправоительственный Орден святого князя Александра Невского, остальные – это юбилейные медали.

Воевали ночью, летали на оккупированные территории. Забирались на 2300 метров. А почему именно эта высота? По тактическим данным немецкие полуавтоматические пушки 20-ти миллиметровые доставали до 2200 м по высоте, а крупнокалиберные зенитные пушки - у них снаряды взрывали на высоте не ниже 2400 метров. Вот в этом коридоре – 200 метров – мы и летали. А потом немецкие зенитчики не были приспособлены к нашей скорости. Скорость У-2 – 100 км в час. Тогда как скорость остальных самолетов того времени составляла порядка 300-350 км в час. Так что снаряды рвались впереди моего самолета. До этого, пока не знали, у нас потери были, а потом, когда мы стали ходить бомбить в этом коридоре, практически потерь у нас уже и не было. За время войны мы потеряли всего пять экипажей.

Первый Орден Отечественной войны I степени я получил осенью 43-го года на Брянском фронте. Второй – можно считать за один вылет мы со штурманом получили. Мы осенью 44-го года уничтожили склад горючего на северо-востоке Риги, километров в 30-ти. Вспышка от взрыва была видна на нашем аэродроме, за 63 километра. Я тогда докладывал, что 23 часа 40 минут 40 секунд мы взорвали склад горючего. А заместитель командира полка по летной части, майор Колесников говорит, что я видел вспышку в 23 часа 40 минут 20 секунд. Я нахальный был, видно, молодой тогда, пацан еще по сравнению с ним, говорю, дескать, товарищ майор, ваши часы отстают на целых 20 секунд. Так вот, он это замечание учел, и когда они на обед пришли, мы уже за столом сидели, он подошел и говорит: **«Суськин, ты был прав. Мои часы отставали на 20 секунд»**. Вот какое отношение командования было к нам, рядовым. И прислушался, и подошел, и поблагодарил».

Желтыненок

«За время войны я сделал 406 боевых вылетов, 6 раз летал к партизанам. Помню, вторым вылетом вывез женщину молоденькую с трехмесячным ребенком. Так что может быть они еще и живы. Но не знаю, как зовут. Не помню, спрашивал ли? Или забыл уже?...

Партизаны базировались где-то в 80-ти километрах от Вильно. Летали на пределе дальности. Горючего хватало на 4 часа 12 минут. А расчетное время полета к партизанам колебалось от 3 часов 50 минут до 3 часов 58 минут. Практически, запаса было не больше пятнадцати минут. А У-2 при скорости в 100 км чуть ветер усилился где-то – вот и проблема. Подвешивали нам на самолет мешок килограммов 120-130 весом. Что там было – не знаю, не положено было интересоваться. Садились в заданном районе, партизаны мешок снимали, и мы сразу же улетали. А на второй посадке подвели к нам девчонку, небольшеньку, молоденькую совсем, в демисезонном пальтишке, в сапогах. Шапка-ушанка только была хорошая. И старший, кто нас встречал,

говорит, дескать, нужно отвезти нашу партизанку с ребенком. Спрашиваю: «А разрешение есть с Большой земли?» «Есть. Ее встретят на аэродроме», - отвечает. Ну, я к штурману: «Миша, ну как? Возьмем ее?». Он посмотрел на нее и говорит: «Да, с ней мы поместимся». Маленькая, щуплая. Единственная проблема – холодно. Зима же, начало февраля 44-го года, а в самолете холодно. Говорю: «**Давайте полушубок, валенки, на шею шарф или полотенце длинное, чтобы завязать поверх воротника**». Полушубок сразу же здесь отдал один из присутствующих, поверх пальто ей одели. Принесли ватные брюки, валенки, рукавицы. А с дитем, что делать? Три месяца, в одном легоньком одеяльце. В полушубок его не запахнешь – не хватает запаха. Мужик тоже щупленький был. А Миша и говорит, дескать, давайте я его к себе в комбинезон запишаю. Мать забеспокоилась: не задохнулся бы. А Миша, штурман мой: «Да я ему дырочку оставлю». Он украинец был, Бойко Михаил Григорьевич, и он всегда комбинезон брал на два размера больше, чтобы была возможность под низ еще фуфайку поддевать. Словам, ребеночка он к себе за пазуху положил, мамочку на колени посадил, так и полетели. И все нормально. Только обсикался пацаненок, два часа в воздухе все же были. Так Миша на завтра одевается, а запах-то остался, он и говорит: «Ну, октябренок..». Нет, не октябренок, а по-украински октябрь как? Жёлтынъ? Во! «Желтыненок какой пахучий». Миша старше меня был, у него уже и отцовские какие-то чувства тогда были...

Но вот не спросили тогда, как зовут девушку и ее ребенка. А может и забыл уже?.. А вот слово это – желтыненок – помню. Хорошее слово – детское, мирное...